

№ 21-22 (1525)
25 июля 1995 г.
Год издания — 39-й
Издатели:

Международный художественный фонд
Московский Союз художников
Международный союз дизайнеров
Международная федерация художников
ЮНЕСКО

ХУДОЖНИК

МОСКОВСКИЙ

2 Когда б мы
не были
любимцами
судьбы

4 Царство
детской души

3 «Новая волна
60-х»

7 Любовь моя,
Индия

ЛИЦА

Эта экспозиция закрылась в начале прохладного тогда еще мая. И может быть кому-нибудь покажется, что время ее безвозвратно ушло, потеряно т.н. «оперативный момент», как говорили в отделах информации солидных газет.

Но у нас газета особая, художническая, а повод обязательно найдем, обещаю.

Это выставка — воспоминание о чудесном человеке и высоком мастере Оресте Георгиевиче Верейском. Выставка — напоминание. О том, как жить, как видеть жизнь, как не терять ощущение ее полноты, ее скоротечности и понимания своего предназначения на этой земле, художнического достоинства.

Очевидно, неуместно в короткой заметке оценивать весь огромный творческий пласт, наработанный Верейским. Он не чурался журналистской репортажной работы. И благодаря ему миллионные некогда читатели «Огонька» глядели на мир его глазами. Он выпускал альбомы по материалам своих странствий, иллюстрировал русских классиков, книги своего закадычного фронтового друга Александра Твардовского, создавал станковые произведения. Ограничимся, вспоминая его прекрасные листы, упоминая лишь нескольких характерных черт, свойственных его мастерству. Это прежде всего удивительная острота видения, сообщавшая трепет жизни каждому его произведению, будь то фронтовая зарисовка, репортажный цикл из Исландии или иллюстрация к книге. Меня поразил его Санкт-Петербург эпохи Александра II. («Анна Каренина» Л.Н. Толстого). Я хорошо знал этот великий «город областной судьбы», чувствовал его грусть и боль утраты блистательного прошлого. У Верейского он наполнен громом колес пролетающих экипажей, скрипом полозьев, криками разносчиков, треском трепещущих флагов на Неве. Для него не существовало стаффажа, вписанного в ведуту, в городской пейзаж. Каждый персонаж обладал своей характеристикой.

При всем том здесь нет воинствующего пессимизма, запоздалого мироискусничества. Пожалуй, именно эта убедительная точность, динамизм, отсутствие мелочности при внимании к деталям отличают цикл и его иллюстраций к «Анне Карениной» от подобных циклов других художников.

Ну, а как же с обещанным «поводом»? Пора бы уже...

Дело в том, что книги находятся в ином временном пространстве, чем выставки. Издано в 1995-м — значит новинка! Да какая — сходу библиографическая редкость. Издана тиражом 500 экземпляров и названа «Неизвест-

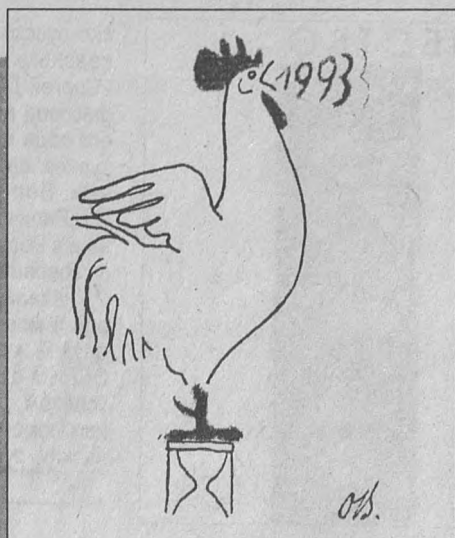
*Моск. художник. — 1995. — 25 июля
(№ 21-22). — С. 1.*

«... Таю надежду»...

ный Верейский». (Составители Л.М.Верейская и Н.Г.Лордкипонидзе). Это своеобразная летопись радостных переживаний, связанный с тем ощущением полноты жизни, которую редко можно было встретить у сверстников Ореста Георгиевича. Он умел радоваться тем моментам, коих другие (может, более практичные) как бы не замечали, считая их обыденностью. Он вооружается нежными голубо-фиолетовыми мелками, чтобы дать почувствовать другим величайшую радость занесенного снегом леса, пронизанного столбами солнечного света: «Спасибо за утро такое!» Его радовала природа Подмосковья, его радовала жизнь в ее естественных проявлениях. Он видел праздник в мелочах, извлекал из них неповторимое радостное звучание. В этом было нечто пушкинское. И еще одного человека он напоминает — американца Рокуэлла Кента. Тот так же был легок на подъем, на широкое душевное движение.

Книжка «Неизвестный Верейский» полна голосами друзей. В ней гул веселого застолья, искреннего смеха, она доносит улыбки и образы жизни, которая была прекрасна, что, казалось бы, удивительно... Но Верейский отличался еще одним талантом — умением общаться и привлекать друзей, умением создавать ауру возвышенной и естественной жизни. В кругу его близких (кроме Александра Твардовского) Андрей Турков, Александр Реформатский, Наталья Ильина, Белла Ахмадулина, М.Матусовский, Вернер Клемке, Рокуэлл Кент, Зиновий Гердт, Всеволод Пудовкин, Кукрыники, Леонид Соиферктис, Борис Ливанов, и многие многие другие. Он переписывался с Жаклин Кеннеди, с ярославским рабочим В.Балабановым, сельским учителем А.Хельтковским, внучкой Л.Н.Толстого Татьяной Михайловной Толстой-Альбертини. Он рисовал шаржи, карикатуры, рассылал перед Новым годом очаровательные поздравления, рисованные открытки, настоящие шедевры, полные юмора и ощущения праздничности. Многие из них, слава Богу, вошли в книгу. Здесь и замечательная сорока на вершине ели и вид на зимний лес с лыжницей через красные листья березы (линогравюра) и замечательный парафраз композиции Вермера Дельфского «В студии художника» и портреты Верейских в виде дымковских игрушек.

Свой последний год он встретил рисунком петуха, кричащим, 1993-й! Пти-

цы, разгоняющие тьму и злые силы... Но и ее возможности оказались ограниченными. Во всяком случае, в ноябре. Постаментом для петуха Орест Георгиевич пророчески избрал песочные часы...

А нынче, 20 июля, мы отметили 90-летие мастера. О нем напоминают мне книги в библиотеке, альбомы о его странствиях, каталоги выставок и это новое издание, собранное из того, что, как многие из его знакомых, он делал как бы тайно: «в ящик стола». Содержание потаенных ящиков оказалось неожиданным и помогло создать одну из самых ярких книг последнего времени. Зиновий Гердт заключил ее так:

«Чудо был человек! Понимая, что отрывочные мои характеристики Ореста вряд ли могут хоть как-то воссоздать этот облик, я все же таю надежду, тень надежды, что не знавшие его близко, прочтя это, испытают что-то вроде бы зависти ко мне: «Надо же, с каким редкостным человеком судьба свела!»

Олег Иванов

Верейский О.Г.

25.07.95